

Музыка и судьба

Sergey MALTSEV Diary of Moses Halfin. 1931 (Publication and comment)

A document from the private archive of Moses Halfin, pianist, professor of the St. Petersburg Conservatory supplemented with explanatory notes by Sergey Maltsev comments.

Key words: M. Halfin, Conservatory, concert.

Сергей МАЛЬЦЕВ Дневник М. Я. Хальфина 1931 года (Публикация и комментарии)

Публикация одного из документов из личного архива М. Я. Хальфина, профессора Санкт-Петербургской консерватории с комментариями С. М. Мальцева.

Ключевые слова: Хальфин М. Я., консерватория, концерт.

Моисей Яковлевич Хальфин (1907–1990) — один из виднейших представителей ленинградской пианистической школы, ученик С. И. Савшинского. Из его консерваторского класса вышли: один из лучших пианистов мира, победитель III Международного конкурса имени П. И. Чайковского Г. Л. Соколов; лауреат международных конкурсов, профессор Кёльнской Высшей школы музыки П. Л. Гилилов; лауреат международных конкурсов К. Блэкшоу (Великобритания), профессора и доценты Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории А. И. Ихарев, Е. А. Шендерович, Л. С. Печерская, Т. А. Воронина, И. А. Кугучева, М. А. Золотарев, И. Д. Михайлов, В. В. Поляков, Н. М. Эйсмонт, Е. Н. Николь-

ская, С. М. Мальцев и многие другие исполнители и педагоги, успешно работающие в различных музыкальных учебных заведениях, в театрах и концертных организациях России и за рубежом.

М. Я. Хальфин получил начальное музыкальное образование в музыкальном училище в Полтаве, где его учителем был Р. Л. Розенфельд (ученик М. К. Бенуа-Эфрон)¹. В возрасте 13 лет М. Я. успешно исполнил с оркестром концерт Мендельсона. В 1926 году М. Я. поступил в Ленинградскую консерваторию в класс С. И. Савшинского (ученика М. К. Бенуа-Эфрон и Л. В. Николаева) и окончил ее в 1931 году. Во время обучения в 1929 году М. Я. Хальфин участвовал во внутриконсерваторском конкурсе, посвященном

столетию со дня рождения А. Г. Рубинштейна, в котором исполнил Четвертый концерт Рубинштейна с оркестром под управлением С. А. Самосуда². Участие в Первом Всеукраинском конкурсе, состоявшемся в 1930 году, было первым серьезным публичным испытанием в карьере молодого артиста.

Время, в которое проводился конкурс, была тяжелейшим. На селе разворачивалась жесткая кампания по насильственной коллективизации, приведшая к огромным жертвам³. Как раз именно в это время, буквально в те же самые дни марта 1930 года, в Харькове, который был тогда столицей Украины, и проходил Первый Всеукраинский конкурс пианистов. Сегодня трудно себе даже

¹ Мария Карловна Эфрон, в замужестве Бенуа-Эфрон (1861–1909), училась в Петербургской консерватории у Т. Лешетицкого в 1876–1877 гг., после чего получила диплом свободного художника и малую золотую медаль. Она была известной русской пианисткой, концертировавшей в России и за границей, и женой академика акварельной живописи А. Н. Бенуа.

² Личное дело М. Я. Хальфина. Хранится в архиве Санкт-Петербургской консерватории.

³ В 1928–1932 гг. одним из важнейших направлений государственной политики в стране стала сплошная коллективизация крестьянских хозяйств. Методом проведения этой коллективизации было раскулачивание, то есть насильственное лишение зажиточных крестьян, использующих наемный труд, всех средств производства, земли и гражданских прав и выселение их в отдаленные районы страны. Уже к 15 февраля 1930 года было арестовано 64.589 человек, а всего за 1930–1931 годы, по данным ОГПУ, было отправлено на спецпоселение 381.026 семей общей численностью 1.803.392 человека. Особенно большие масштабы этот процесс имел на Украине, что вызывало массовые протесты среди крестьян. (Приведенные материалы взяты из следующих источников: Раскулачивание / Википедия: Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 08.04.2010); Государство против своего народа // Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии: Справочное издание / С. Куртуа, Н. Верт, Ж.-Л. Панне, А. Пачковски, К. Бартошек, Ж. Л. Марголен; Пер. под рук. Е. Л. Храмова. М.: Три века истории, 1999. URL: http://www.goldentime.ru/nbk_07.htm (дата обращения: 08.04.2010).

1-й Всеукраїнський Конкурс П'яністів

22, 23, 24 Березня 1930 року м. Харків.

Перша премія

Дана ця учасникові конкурсу Мойсею Яковлевичу ХАЛЬФІНУ в тому, що за постановою журі Конкурсу йому присуджено ПЕРШУ премію на ВСЕУКРАЇНСЬКОМУ КОНКУРСІ П'ЯНІСТІВ, що підписами членів журі та печаткою Укрфілу свідчиться

Члени журі

Альтшулер Д. Н. Предст. К/В В.У.Р.П.С.У.

Проф. **Беклемішев Г. М.** Київ. Муздрамін.

Кацанов Я. С. Предст. ВУК Робмис

Проф. **Козицький П. О.** Предст. Наркомосвіти

Мусницький М. Н. Предст. Укрфілу

Проф. **Рибіцька М. И.** Одеськ. Муздрамін.

Проф. **Савшинський С. И.** Ленінгр. Консерваторія

Проф. **Фаненштіль Л. О.** Харк. Муздрамін

Голова журі
Голова Правління Укрфілу

(Савчук Ф. І.)

25 Березня 1930 р.

Освітін 1627 25-111 30р. Т. 15 Друк „Мастроковийдрук“ Змк. 1891.

представить, как мог состояться праздник музыки на таком страшном историческом фоне.

Первый Всеукраинский конкурс пианистов был организован Украинским Филармоническим товариществом. Председателем жюри был глава правления Украинского Филармонического товарищества Ф. И. Савчук, членами — Д. И. Альтшулер, представитель одной из организаций по управлению культуры; профессор Г. М. Беклемішев (Киевский Музыкально-драматический институт); Я. С. Кацанов (профсоюз работников искусства; профессор П. О. Козицкий (Наркомат просвещения); М. Н. Мусницький (Украинское филармоническое товарищество); профессор М. И. Рыбицкая (Одесский Музыкально-драматический институт); профессор Л. О. Фаненштіль (Харьковский Музыкально-драматический институт); профессор С. И. Савшинський (Ленинградская консерватория). Конкурсные прослушивания проходили в течение трех дней: 22, 23 и 24 марта 1930 года.

М. Я. Хальфин выступил уверенно и успешно, и ему была присуждена первая премия. Это было большой победой, ока-

завшей серьезное влияние на дальнейшую судьбу молодого виртуоза.

По рассказам самого М. Я., на этом конкурсе его слушал юный Эмиль Гилельс, поступивший в том году в Одесский Музыкально-драматический институт в класс Б. М. Рейнгалда. Со свойственной М. Я. самоиронией, он вспоминал: «На этот конкурс Б. М. Рейнгалд привезла юного мальчика, Милю Гилельса, просто чтобы показать яркое дарование. И мальчику говорили: „Если будешь много заниматься, то будешь играть как Хальфин“»⁴. Урок явно пошел впрок: уже в следующем году четырнадцатилетний Э. Гилельс с блеском побеждает на Втором Всеукраинском конкурсе музыкантов в Харькове.

Победа на конкурсе открыла перед М. Я. возможность выступать на филармонической эстраде в самых лучших залах.

Успех на конкурсе стал причиной того, что М. Я. получил приглашения стать солистом Харьковской, а затем и Ленинградской филармоний. Молодой музыкант принял эти приглашения. В 1930–1931 годах М. Я. официально, на договорных условиях работает в каче-

стве пианиста в Украинской филармонии в Харькове, а в автобиографии М. Я. пишет: «После конкурса я гастролировал от Украинской филармонии в разных городах, таких как Киев, Харьков, Одесса, Днепропетровск, Николаев, [...] Сталино), Симферополь и др.»⁵.

Сохранился дневник М. Я., куда он вносил подробные записи обо всех концертах и других событиях этой первой концертной поездки, состоявшейся в январе – феврале 1931 года. Дневник представляет собою ученическую тетрадку, купленную, вероятно, на Украине (поскольку текст на обложке, обращенный к школьнику, напечатан по-украински), с карандашными записями⁶. Эти записи представляют собою редкий документ, правдиво и без прикрас свидетельствующий не только о самих концертах и программах М. Я., о степени его подготовки к концертам и об его отношении к концертному выступлению как профессии, но и о состоянии музыкальной культуры на Украине на момент этой поездки. Поэтому текст Дневника, любезно предоставленный мне дочерью М. Я. Кириой Моисеевной Хальфин, приводится здесь полностью⁷.

⁴ Сообщено профессором СПбГК В. В. Поляковым.

⁵ Личное дело М. Я. Хальфина.

⁶ Личный архив К. М. Хальфин. М. Я. Хальфин. Моя первая концертная поездка. Украина. 8 января 1931 г.

⁷ Орфография и синтаксис документа приведены в соответствии с современными правилами, сокращения раскрыты.

«Моя первая концертная поездка. Украина. 8 января 1931 года по — М. Я. Хальфин» (Обложка).

(1) Днепропетровск (концерт 11 января). Приехал в Днепропетровск в 7 часов утра. Никто не встречал. Звоню по автомату в гостиницу «Спартак», но оказалось, что дозвониться не так легко, как мне казалось. Дело в том, что барышня не хотела меня соединять, так как настаивала на том, чтобы я бросил монету в отверстие, в то время как я ее опустил; отчасти она была права, так как монета застряла по дороге к месту назначения. Долго с ней спорил, вокруг меня собралось много зевак, каждый давал совет, как мне поступить, помогали даже мне: один пальцем лез в отверстие, другой стучал по аппарату..., но ничего из этого не вышло — монета не двигалась с места. Наконец, уговорил я барышню просто меня соединить. Соединила. В гостинице на заданный мною вопрос «забронировал ли Укрфил⁸ номер за Хальфиным», ответили отрицательно. Взял извозчика и поехал сам в гостиницу. Учреждения открываются в 9 часов, а посему мне пришлось ждать 1 час, до тех пор, пока я сумею позвонить в Укрфил. Этот час я бродил по улицам и искал свои афиши. Их было очень много, но дата моего концерта привела меня в некоторое недоумение, так как концерт был назначен на 11 число, в то время как я знал о девятом. В 9 часов я позвонил в Укрфил. Мне никто не ответил. Пошел сам туда, нашел директора, представился; он был очень удивлен, так как не ждали так рано (приехал я 8-го). Номеров в гостинице свободных не было, и меня поместили на частной квартире по Ленинской улице дом № 8. В первый же день своего приезда был у Миши Левина⁹ и вечером у Храмова С. Д.¹⁰ Меня встретили очень радушно и тепло. Все последующие дни, включая и день концерта, бегал с товарищем Роговым (заведующим концертной частью) в поисках за инструментом, так как рояль, на котором мне надо было играть, пригоден только для обмывания покойников, как выразился Миша. Рояля не достали, и мне пришлось играть на этом жутком инструменте. Концерт заключался в том, что я страдал на эстраде, а публика меня жалела. Успех все же был очень хороший, и я играл на «бис» 3 раза. В Днепропетровске я встретился с квартетом Вильома¹¹ и с Эйдельманом (фортепиано)¹² и Антокольским¹³ (скрипка)¹⁴. Два раза собирались с классом Миши¹⁵ у него на квартире. Я им играл, они

мне, много беседовали; рассказывал им о ленинградской музыкальной жизни, о работе [нрзбр.] в консерватории. Я с ними подружился (относительно!), снимались, написал им в стенную газету свои впечатления о Днепропетровске и о работе в их классе, и расстались. Играл перед самым отъездом в Музтехникуме для учащихся и педагогов. Имел огромный успех, много уважения, почету и т. д. В общем должен сознаться, что я там оставил хорошее впечатление. Я же лично остался недоволен, так как состоялся всего один концерт по той причине, что клубы все дни были заняты для перевыборов Советов. Вручили мне билет, и я уехал (17-го). Провожал меня Миша.

Сталино¹⁶. (концерт 19 января). Сейчас 18 число. Стою еще на станции «Ясынуватая». Должен был быть в Сталино 18-го числа в 1 час 40 минут ночи, а сейчас уже 3 часа дня..., а встречного поезда все нет, все нет. Обедал на станции, после чего мне стало еще тоскливей, так как обед мне напомнил все плохое, что было в моей жизни, до того он был невкусен. Очень возможно, скорее всего, что меня никто встречать не будет, а я не знаю даже, куда мне двинуться дальше с вокзала. Сегодня уже 3-й день не занимался... Хоть бы успеть завтра потрогать немного клавиши. А какой меня там ждет рояль, какая публика!?! Ох-хо-хо. Только что нам сообщили, что через час уедем... Побачімо¹⁷... В 4 часа 20 минут выехали. В 4 часа 45 минут уже были в Сталино. Какая обида! Из-за 25 минут езды мы торчали на станции целый день. Приехали... Этим должны были закончиться мои мучения, но не тут-то было: меня никто не встречал. Люди, которые меня более ни менее знают, могут понять, в каком растерянном и беспомощном положении я очутился. Вертелся, вертелся и, наконец, решил ехать в город..., а до города 7–8 верст. Сдал вещи на хранение, село нас трое в одни сани и поехали. Попросил я высадить меня у гостиницы. Попал я в «Сельбуд»¹⁸. Там мест не оказалось. Пошел в местную гостиницу. Там я нашел еще троих, которые, стоя на коленях, умоляли дать им ночлег. Я дежурному по гостинице рассказал о себе, о своем положении и довольно настойчиво (!) требовал (!) номер, потом я «снизошел» до скамьи с матрацом и, наконец, просто до скамьи... но ничего из этого не вышло. Позвонил я в театр, там телефон не работает. Пошел бы сам туда, но такой темени, грязи и тумана мне еще не приходилось

⁸ Укрфил — Украинская филармония.

⁹ Левин Михаил Осипович, пианист, выпускник Петроградской консерватории по классу Л. В. Николаева и медицинского факультета Петроградского университета, преподаватель фортепиано Днепропетровского музыкального училища. См.: Лоринов В. — композитор и писатель. Автобиография. URL: <http://lorinov.narod.ru/view.php.45.html> (дата обращения: 08.04.2010).

¹⁰ Личность установить не удалось.

¹¹ В 1921 г. в Киеве был организован Квартет имени Вильома, просуществовавший до 1950 г.

¹² Эйдельман Александр Лазаревич, киевский пианист, ученик Ф. М. Blumenfelda. Через два года после этой встречи М. И. Хальфин и А. Л. Эйдельман примут участие в Первом Всесоюзном конкурсе пианистов в Москве.

¹³ Личность установить не удалось.

¹⁴ Личность установить не удалось.

¹⁵ Поскольку М. О. Левин преподавал в музыкальном училище, речь видимо идет об учениках его училищного фортепианного класса.

¹⁶ Сталино — новое название, которое в 1924 г. получил город Юзовка; с 1961 г. — Донецк.

¹⁷ Посмотрим (укр.).

¹⁸ Будинок (укр.) — дом, здание, соответственно: «Сельбуд» — сельский дом.

встречать. Туман до того сочный и густой, что он навел сначала на меня страх, а потом тоску. Пошел бы один туда, но я мог бы попасть в противоположную сторону. Пошли всей группой, ищущие убежища, поесть чего-нибудь. Поели. Пришли обратно в гостиницу. Все то же положение. Наконец, одна девица предложила (не пугайтесь) проводить меня в театр. Со мной пошел один из попутчиков, надеясь устроиться вместе со мной. Встретили меня в театре с большой радостью, так как они потеряли надежду увидеть меня в Сталино. Дело в том, что Укрфил Днепропетровска дал телеграмму в Сталино, но на мое счастье¹⁹, линия была повреждена, и здесь ее не могли принять. Сразу из театра повели меня в отделение Укрфила. Поговорили немного о моих делах и свезли в гостиницу, где мне было приготовлено место; моему же попутчику дали адрес, куда он мог бы обратиться в надежде найти ночлег. Завтра у меня концерт. Публика аховая. Играть для них нечего. Послезавтра играю где-то в другом месте, и затем отправят в другой город. Куда — еще не знаю.

19-го. Сегодня утром проснулся в 10 часов. Пошел в «коммерческую» столовую позавтракать, а затем привел свою морду в порядок у парикмахера. Страшно был опечален тем фактом, что не сумею повидаться с сестрой²⁰, так как сегодня же ночью уезжаю в «Краматорскую»²¹. У дверей гостиницы стоит какая-то особа в плаще, «капелюхе» и грязных резиновых ботах. Прошел мимо, но глаза этой дамы показались мне знакомыми. Обернулся, посмотрел внимательней и узнал мою сестру. Радости не было предела. Поцелуй, долгое молчание (так называемое замешательство), поцелуй, слова и т. д. Пошли мы в номер. Сестра располагала всего полчаса, так как она на заводе работает сейчас в качестве заведующей лабораторией, и через 1½ часа у нее на заводе должна быть какая-то комиссия. Узнал от нее потрясающие новости, о которых не хочу писать²². Разговор вертелся вокруг этих новостей все время, и вот сестра уже уходит. Надо. Работа все же стоит выше всего. Опять поцелуй, пожелания. Проводил ее глазами до дверей гостиницы..., и слезы навернулись на глазах. Моя любимая сестра, год не виделись, встретились в необычной обстановке на полчаса..., и опять разлука надолго. К счастью, пришел в этот момент администратор. Заговорили о деле, и я перестроился на другой лад. Слезы обиделись (я их оставил без внимания) и ушли к себе в каютку обратно.

Скоро иду обедать, затем в театр позаниматься и вечером в концерт. Как он пройдет???

20-го. Вечером 19-го пошел в концерт в отчаянном настроении: рояль жуткий, публика «мало-музыкальная». Хорошо было бы, если бы у меня в репертуаре находились бы какие-нибудь рапсодии, кампанеллы и т. п. музыка, а то ведь жалко целый вечер мучить публику Шопеном, Метнером да Стравинским. В 8 часов 15 минут концерт начинают. Публики вначале не очень много, затем прибавилось. Не доиграв страницы из «Рондо» Бетховена, свет в театре погасает. Я не смутился и доиграл до конца в темноте, что вызывает большой восторг. Успех, конечно, имела не игра, а трюк. Минут через 10 свет появился. В антракте свет опять погас. Появился вновь. Начал второе отделение. После первой «Сказки» Метнера свет опять погас. Ухожу с эстрады. Ставят на рояль керосиновую лампу. Играю дальше. Свет после второй «Сказки» появляется. Лампу убирают. Имеет успех этюд Листа «Охота». «Петрушку»²³ не поняли. Бисировал один раз. Наскоро сложил свои вещи и поехал с администратором Роговым, толстым, большим дядей, который, кстати сказать, никакого отношения к этому делу не должен иметь, поехали на вокзал.

Краматорская (концерт 20-го)

Приехали на станцию Краматорскую в 7 часов утра. Посидели на вокзале, попили чаю и пошли в Дом Культуры. Сейчас сижу в одной из комнат этого Дома и думаю, но о чем — сам не знаю... Если такова будет вся моя поездка, то не было никакого смысла из Ленинграда выезжать. Скучно, тоскливо и досадно. Хотел бы видеть. Но ничего, Моисей Яковлевич, держитесь!!! Опять о деле. Я в ведении Сталинского Укрфила по 25 января, но сегодня, 20-го, у меня от них второй и последний концерт. Если из Харькова не будет телеграммы о дальнейшем моем маршруте, то придется ехать опять в Сталино и ждать. Мечтаю попасть в Харьков и поскандальить с товарищем Мусницким. Это форменное издевательство, меня замучивают, а не «выдвигают»... Сейчас 4 часа дня. Мой идиот-администратор спит. Оказывается, он когда-то развозил борцов. Худшего настроения, чем у меня сейчас, не помню. Сижу в комнате и ничего не делаю, вернее, смотрю в окно, где открывается замечательный пейзаж на хатки, рядом с которыми лежат поломанные бочки. Пробовал рояль. Инструмент хороший. Член культкомиссии поинтересовался моей программой, после чего он закурил губу и спросил, играю ли я «Яблочко» из «Красного Мака»²⁴. Здесь до меня в жизни еще не было такого рода концертов. Мне просто страшно; боюсь, чтобы меня не засмеяли и не разошлись после 2–3-й пьесы. Предполагается еще в антракте духовой оркестр. Большого ужаса

¹⁹ Понятно, что М. Я. иронизирует.

²⁰ В Днепропетровске работала сестра М. Я., Ида Яковлевна.

²¹ Краматорская (Северодонбасская) агломерация сегодня включает населенные пункты Дружковка, Краматорск и Славянская.

²² Можно предположить, что эти «потрясающие новости» были политическими, — возможно, о страшных репрессиях на селе, происходивших в это самое время, о чем М. Я. из осторожности по понятным причинам не хотел оставить никаких письменных свидетельств

²³ И. Ф. Стравинского.

²⁴ Видимо, речь идет здесь о матросском танце на тему песни «Яблочко» из первого советского репертуарного балета Р. М. Глиэра «Красный Мак» («Красный цветок»), премьера которого состоялась в Большом театре 14 июня 1927 г., после чего балет был поставлен во многих театрах страны.

я себе не представляю. Телеграммы из Харькова еще нет. Кошмар!!! Я весь изнервничался, совершенно без сил, не занимался, потому что это ни к чему. Был с «адей»²⁵ на почте при вокзале, где получили телеграмму, которая гласит: «Хальфина відправьте Харків»²⁶. Хальфин, картофель, мазь для колес — звучит одинаково. Ну ладно, настроение немного улучшилось. Начинаю понемногу готовиться к концерту, т. е. чистить смокинг, приделывать воротничок к рубашке и т. д. В 7 часов начинают 2-й сеанс в кино (до меня шла картина; конечно, публика другая), а в 8 должны начать концерт²⁷. Начинаем концерт в 9 часов 20 минут. Зал переполнен, рассчитан он на 1100 человек. Публика жуткая, единственная отрада: в первых рядах сидят иностранцы с женами. Выхожу. Играю первую пьесу. Хлопают. Играю вторую. Похлопывают плюс маленький шумок, и вот, начиная с «рондо», шум длится до самого конца первого отделения, т. е. в течение целой сонаты Шопена; шум до того сильный, что я не всегда слышу самого себя. Поглядываю на первые ряды: тихо, спокойно слушают. Иностранцы! Ухожу с эстрады почти бегом. Заявляю администратору, что я играть больше не буду. Крик, скандал... «Как, Вы подводите целую организацию, отвечает Укрфил, а не Вы и т. д. и т. д. Конечно, все это веско! Выхожу через 15 минут вторично на эстраду. Решил сыграть боевики. Играю марш Шуберта²⁸. Шумят. Один этюд Листа, другой... Никакого впечатления. Играю «Масленицу»²⁹. Шумят. Я чуть не выругался вслух, но, конечно, этого не сделал и ушел с эстрады. Второе отделение длилось всего 20 минут. Поднялся большой скандал уже со стороны администрации Дома: «что это за концерт, он играл всего 20 минут, безобразия и т. д. Обещали написать рапорт в Харьков. Пусть пишут. Если меня направили играть в глухое место, где до меня ни одного музыканта не было, где многие не знают, что такое «пианист», то мне все равно. Плевать! Я готов был порвать договор с Укрфилом, до того был взбешен. Наскоро сложились и пошли на вокзал... На вокзале были в 12 часов ночи... Сейчас 7 часов утра, а я еще сижу. Поезда все опаздывают на 6 – 10 – 24 – часов. Итак, я вторую ночь уже не сплю. Сил никаких. Что мне покажет Харьков. Если Харьков не исправит всего этого, тогда моя поездка никуда не годится, ибо начало мне совершенно не нравится. Я весь расклеился, стал

небрежно играть, на эстраде совсем не волнуюсь, играю небрежно, апатично. Мне в Харькове надо сесть и здорово позаниматься, подчистить свою «музыкальную психологию». Ну, кончаю. Пьяница сидит рядом и мешает мне сосредоточиться. Кругом на вокзале бродяги. Я не могу понять, что случилось, как я попал в такую обстановку, в такие концертные места! Точно не могу уяснить себе все это, слишком неожиданно все³⁰. Я рассчитывал только на большие города, а оказалось не то.

Харьков.

21. приехал в Харьков в 4 часа 30 минут дня и позвонил в Укрфил. Меня попросили заехать в Правление, откуда часа через 1½ меня направили в гостиницу «Спартак», комната № 20. В этой комнате жил еще один человек, который на следующее утро выехал, и я остался один. Лег я спать в 7 часов вечера, ничего не узнавая о своих делах, и проснулся на следующий день в 12 часов дня. Отдохнул очень хорошо. Направился в Укрфил. В Укрфиле я узнал, что в Харьков я попал по той причине, что у меня в Сталино пропало 5 дней, и вот меня хотели пока использовать в Харькове для закрытых концертов, но точно не знали еще, состоятся ли они. 27-го у меня концерт в Полтаве в клубе С.С.Т.С³¹ и очень возможно, что завтра я туда выеду. После Укрфила пошел к моему педагогу Р. Л. Розенфельду³², но, к великому сожалению, он переехал на другую квартиру, а разыскать его мне было некогда. Поехал к брату³³ на Клочковскую улицу. Его дома не оказалось. Поехал обратно в гостиницу и внизу у входа встретил его. Конечно, обрадовались друг другу. Посидели в номере пару часов, поговорили об очень многом и вместе пошли обедать. После обеда заехали к тетке, откуда я направился в гостиницу, а брат — на службу. Вечером от 8 до 10 часов ко мне должен был зайти товарищ Мусницкий, и в ожидании его я сел писать письма. Написал 4 письма, взглянул на часы..., стрелки показывали 11 часов 15 минут. Мусницкий не пришел. Лег спать. Спал очень плохо. Встал поздно. Спустился в ресторан, позавтракал и, подымаясь обратно вверх, встретил Наточку³⁴. Она, узнав о том, что я должен ехать в Полтаву, решила ехать вместе. Дождавшись Селю³⁵, с которым я накануне условился встретиться у меня, пошли опять в Укрфил. В Укрфиле был очень долго. Я выезжаю в Полтаву. Пробуду там до 28 числа. С наслажде-

²⁵ М. Я. иронизирует, создавая неологизм, объединяющий слова *администратор* и *дядя*.

²⁶ «Хальфина отправьте в Харьков» (укр.).

²⁷ Нужно иметь в виду, что кино тогда было немое, и длительность картин была обычно короче сегодняшних.

²⁸ Вероятно, речь идет об обработке Военного марша Ф. Шуберта – К. Таузига, которую М. Я. 21 апреля 1930 г. исполнял в Большом зале Ленинградской филармонии.

²⁹ Третья часть сюиты из балета «Петрушка» И. Ф. Стравинского.

³⁰ Поскольку в это самое время в сельских местностях происходили ширококомасштабные репрессии и высылки, вполне понятно, откуда появилось множество бродяг на вокзале небольшого городка; однако из самого удивления М. Я. можно сделать вывод, что он недопонимал страшной реальности, имевшей место в это время на селе.

³¹ В клубе «Союза советских торговых служащих», то есть в клубе, где раньше в Полтаве М. Я. работал.

³² Педагог М. Я. в Полтаве, вероятно, переселившийся к тому времени в Харьков.

³³ Родной брат М. Я. Саул Яковлевич Хальфин, концертмейстер вторых скрипок Симфонического оркестра Харьковской филармонии.

³⁴ Возможно, это либо тетя М. Я., к которой он заезжал вместе с братом, либо ее дочь.

³⁵ Видимо, так М. Я. называет своего брата Саула.

нием побываю у своих, отдохну и позанимаюсь... Сейчас пойду нанимать извозца и еду на вокзал, где администратор Дарский достает мне билет.

Полтава (концерт 27-го).

Приехал в Полтаву 24-го в 4 часа утра. Знакомые улицы, дома..., а вот и Остроградская улица. Постучал, как и раньше, в ставню. Мамин голос: «Кто там?» «Я, — Мося». Радости не было конца. Папа себя плохо чувствовал и ко мне из спальни не вышел. Мама меня накормила, напоила и уложила спать. Утром был на Гоголевской улице у семьи Окунь³⁶. Племянник очень подрос, совсем большой мальчик. Все дни бывал то у мамы, то у Ани, то у «Окуней». Ухаживали, кормили, в глаза смотрели. Вот где я по-настоящему убедился в том, что Макс³⁷ меня крепко любит. Его вниманию не было предела, и вдобавок я выехал из Полтавы в его шубе (у меня было осеннее). Надавал он мне разных мелочей: запонки, самовяз, чемоданчик, карандаши, тетради и много-много других вещей. Концерт мой прошел, несмотря на ужасный холод, с большим подъемом и успехом. В клубе встретился со многими моими бывшими сослуживцами (я служил раньше в этом клубе). Та же Полтава, те же люди, те же нравы... На следующий день мне передала madam Левитина, у которой я был в гостях, приглашение из Музтехникума поиграть у них для педагогов и учащихся. Я, конечно, согласился. Здесь я имел огромный успех. Меня приветствовал директор Попадич до выступления перед всей аудиторией. Игра моя произвела большое впечатление, после которой последовали благодарности, как от представителей педагогов, так и от студенчества. Этот день был одним из ярких в течение этой части поездки. В Полтаве получил телеграмму из Харькова, чтобы я выехал в Николаев. Выехал я из Полтавы в очень хорошем настроении. Мне казалось, что, начиная с Полтавы, будет перелом в дальнейшей поездке, к лучшему. С родными попрощался на месяц, так как в конце февраля, или в начале марта должен быть там опять.

Николаев (3 февраля концерт).

Приехал в Николаев в 9 часов вечера. Как и следовало ожидать, меня никто не встречал. Опять то же замешательство, но уже в более легкой форме, так как я привык немного. Попросил извозчика свести меня в Московскую гостиницу. Оставил вещи у дежурного и направился в театр, который, на мое счастье, был закрыт по случаю выходного дня. Вернулся обратно в гостиницу, но там свободных номеров не оказалось, и меня поместили в общую комнату с двумя мужчинами. Спал хорошо. Утром пошел опять в театр, куда пришел представитель Укрфила. В театре я узнал, что в Николаеве гастролирует какая-то передвижная опера, которой дирижирует Ерофеев А. Г.³⁸ Я этому очень обрадовался,

так как Ерофеева я давно не видел, да к тому же нашел просто знакомого человека. В этом коллективе оказалось еще много других полтавчан. Позанимался в театре часа 2 и вечером пришел в концерт. Публики очень и очень много, при чем 75% рабочих. Это меня немного напугало, так как боялся повторения случая в Краматорской. Концерт сверх ожидания прошел очень хорошо, с большим успехом, при сравнительно спокойной обстановке. Настроение хорошее. А. Г. всем рассказывал, что первое выступление мое с оркестром было под его управлением³⁹ и вообще, что я его воспитанник, в то время как я с ним в течение всей моей учебы в Полтаве не сталкивался. Я никого в этом не разубеждал. Нехай! На следующий день я должен был выехать в Одессу пароходом, который еще не пришел оттуда. Решили поэтому меня отправить поездом с пересадкой в Знаменке. Я, предвкушая эти мучения, долго настаивал на том, чтобы меня отправили автомобилем, но они все были заняты по случаю «зліта колгоспників»⁴⁰. Пошел домой, собрал вещи и прилег в ожидании курьера, который должен был принести мне билет. Поезд уходил в 4 часа, а билет мне принесли в 7½ утра. В 7 часов раздался стук в дверь и голос дежурного, который заявляет, что я могу спокойно спать, так как пароход еще не пришел. Проснулся вторично в 9 часов 30 минут и пошел узнавать о своей судьбе. Узнал, что пароход пришел и должен уйти через час. Я, невероятно волнуясь, все время подгоняя извозчика, приехал на пристань... Пароход уходит завтра 6-го, т. е. в день концерта. Какой скандал!!! Надо сказать, что я научился все это переносить гораздо легче, чем это было в начале поездки, стараюсь не тратить много здоровья. Приехал обратно, на этом же извозчике, в гостиницу и пошел в Укрфил, с позволения сказать, где оказывается знали, что пароход уходит 6-го, но мне, видите ли, не могли дать об этом знать. Какое безобразие! Из-за чьей-то халатности хамской я потерял столько энергии, пришлось так волноваться. Свинство!!! Решили меня отправить автомобилем. И вот я сейчас сижу в номере и жду дальнейших сведений. Сейчас настроение довольно пониженное: скучно, никого вокруг тебя нет, хотелось бы услышать чье-нибудь ласковое слово, почувствовать отношение близкого человека. Лиля⁴¹, ты мне сейчас необходима! Признаюсь, но об этом ты не знаешь... Совершенно не занимаюсь; если даже приеду благополучно в Одессу, то за исход концерта не ручаюсь, а я ведь так ждал этого концерта, ведь это первый за всю поездку ответственный концерт. Страшно! Хотел бы уже вспоминать об этой поездке, а не переживать ее еще. Если бы я знал, что поездка эта даст мне много хорошего... О! тогда бы я совсем легко все это переносил. Посмотрим. Сейчас кончаю писать и буду ждать

³⁶ Сестра М. Я. Ида Яковлевна в замужестве — Окунь; речь идет о посещении ее семьи.

³⁷ Вероятно, муж сестры М. Я.

³⁸ Ранее — дирижер симфонического оркестра в Полтавском музыкальном училище.

³⁹ М. Я. в возрасте 13 лет играл в Полтаве с местным симфоническим оркестром концерт Ф. Мендельсона.

⁴⁰ «Слета колхозников» (укр.).

⁴¹ Так М. Я. называл Лию Ильинишну Зелихман, в которую он был влюблен и с которой они в то время еще не были женаты.

курьера с известиями.... Никого не дождался. Пошел сам в Укрфил. Новое изменение: я все же еду завтра пароходом; автомобилем туда не добраться: масса снегу. Когда я приеду в Одессу — неизвестно; может быть, завтра до концерта за час, может быть, после концерта. Не хочу и думать о том, что завтра будет. Я в ужасном состоянии: ведь Одесса мой главный город, и вот тебе! скандал. Если завтрашний концерт снимут, то очень возможно, что открытого концерта в Одессе не будет, так как, возможно, что больше не будет дня свободного в театре до 12 числа, т. е. до того времени, когда мне надо будет уезжать дальше. Не хочу думать, не хочу!!!! Сейчас пойду в театр послушать оперу «Орлиный бунт»⁴². Должен рассеяться, иначе я с ума сойду. Тоска. Хоть бы один близкий человек, с которым можно было бы поделиться. Эх, трудно. Тяжела ты шляпа молодого концертанта!!!! Ухожу....

Одесса (Концерт 6-го?)⁴³

Пишу уже в Одессе. Из Николаева пароход ушел точно по расписанию — в 9 часов утра и через полчаса выяснилось по состоянию льдов, что мы в Одессу прибудем не ранее 12 часов ночи. Вот прелесть! Как раз... к концу концерта. Ведь это замечательно: ты едешь спокойно на пароход, а где-то идет твой концерт... Но нет, вы ошибаетесь, я после известия об опоздании был невероятно опечален, но что поделаешь? Целый день на пароход, играл в домино, ел, спал, курил. Денег ушло очень много. Я все же сделал большие успехи; раньше при таком положении вещей я бы целый день сходил с ума, бесновался бы, а вот теперь я научился самого себя успокаивать: чем же поможешь, не подталкивать ведь пароход... Приехали в Одессу в 1 час ночи. Остался ночевать на пароход. Утром, часов в 8, поехал в гостиницу «Пассаж», а оттуда в Укрфил. Дождался долго администратора, и часов в 10–10½ мне передали, чтобы я ехал в гостиницу «Красная» (бывший «Бристоль»), где для меня приготовлен номер и где меня поджидает администратор Крахмаль. Поехал туда. Поместили меня в номер. Сейчас пойду на почтамт за письмами, а затем в Укрфил, где я узнаю о своей судьбе. Кажется, нет свободных дней для моего открытого концерта. Невероятно жаль! Я думаю, что впереди у меня еще много неприятностей. Я должен отсюда уехать 13-го вечером в Киев, а концерт там назначен на 14-е. Может случиться такая же история, как и в Одессе... но об этом потом.

9/II. Вот уже пару дней, как я не записывал о своем пребывании в Одессе. Что я могу сказать? В Одессе — ничего похожего на то, что я хотел здесь получить. Вче-

ра состоялся концерт в клубе инженеров. Играл я очень плохо. Рояль криклив, как торговка на украинском базаре. Успеха никакого, а почему, вполне понятно, настроение кошмарное. Помимо всего, мне невероятно скучно. Целый день один. Встречаются иногда знакомые, но все это на несколько минут, и я опять один. Главное даже не в этом, что я один, главное в том, что возле меня нет ни одного человека, с кем я мог бы поделиться. Единственная возможность — это написать письмо одному из своих близких друзей, но это ведь не то, я хочу получить тут же на месте живое слово в ответ, хочу говорить, а не писать. В Одессе, видно, я никакого впечатления не оставляю. Обидно. Не знаю, в чем дело: 11-го все же состоится мой открытый концерт, но где — еще не известно: либо в «Еврейском театре», либо в Муздрамин'е⁴⁴, так как зал Бирэм [нрзбр.] занят. Я не занимаюсь — негде. Беспокоит меня страшно Киев. Если и в Киеве я буду так играть, тогда, я думаю, моя первая поездка будет и последней, что вызовет падение на 90% моей начинающей[ся] карьеры, а что тогда остается? Ничего. Если в мои годы, когда я подаю какие-то надежды, фактически ничего еще не успел добиться, кривая моих успехов начинает понижаться... о, это очень плохо. Неужели начнется обыкновенная, будничная музыкантская жизнь? Неужели? Тогда есть смысл переключиться на переписчика... Хоть бы один человек рядом!!!!... Сегодня пойду в театр. Пойду только потому, что я сам себя поддерживаю, не даю себе совсем опуститься, а не то я завалился бы в постель и сходил бы с ума. Что это за натура? Почему есть люди, которые в таких случаях никогда не отчаиваются, а во всем видят и берут одно хорошее, пусть обманывают себя, но умеют хотя бы создать себе иллюзию, а я... я несчастный человек в этом отношении. Почему, если у меня неудачный концерт вчера был, почему мне кажется уже, что совершенно никчемный человек, что я вообще по какой-то дикой случайности попал в такой город с концертом, что я не имею на это никакого абсолютно права. Когда-то я мечтал о такой поездке, считая, что, начиная с нее, начнется моя новая жизнь, что вся моя работа, вся учеба должна достигнуть кульминационного пункта — концертная поездка, а что же остается, если, не успев достигнуть этой внешней точки, я падаю стремительно вниз? Что остается? Что? Луфер⁴⁵, говорят, здесь прошел неважно, и все же я думаю, что он так не отчаивался, как я. А может быть я и в самом деле не имею на это никакого права, права концерттировать. Тогда возникает вопрос, почему в таком культурном центре, как Ленин-

⁴² Речь идет об опере А. Ф. Пащенко «Орлиный бунт» («Пугачевщина»), которая была поставлена в Ленинградском театре оперы и балета в 1925 г. Пащенко закончил Петербургскую консерваторию в 1917 г. по классу композиции у М. О. Штейнберга и работал в 1921–1931 гг. заведующим библиотекой Ленинградской филармонии. М. Я., уже неоднократно выступавший в то время в филармонических залах Ленинграда, мог быть знаком с Пащенко лично.

⁴³ Знак вопроса, вероятно, говорит о том, что в момент записи М. Я. не был до конца уверен, что концерт вообще состоится. Так и произошло на самом деле.

⁴⁴ Музыкально-драматический институт.

⁴⁵ А. М. Луфер (1905–1948), лауреат Первого Всеукраинского конкурса пианистов в Харькове в 1930 г., в котором участвовал вместе с М. Я.; в 1930–1945 гг. (с перерывом в войну) солист Киевской филармонии; с 1929 г. возглавлял фортепианное отделение в Киевской консерватории, лауреат Второго конкурса Шопена (1932 г., где поделил 3–4 премии).

град, меня ценят, на меня смотрят, от меня ждут, я один из тех, кто считается лучшими пианистами города? Может быть и там ошибаются, тогда это ужасно, потому что этим самым меня вводят в заблуждение, за что я буду и, даже сейчас немного уже, расплачиваться. Это даже интересно проверить. Ха-ха-ха!!! Смех сквозь слезы. Их лах мит краменес⁴⁶, как говорят евреи... Завтра утром обещал за мной заехать Данкевич⁴⁷ с тем, чтобы повезти меня к себе завтракать. Может быть, останусь у него потом заниматься, а заниматься мне совершенно необходимо, так как я плохо играть начал; может быть, потому, что я нахожусь сейчас в отчаянном настроении, может быть, потому, что я заиграл (с непривычки) свою программу. Этого-то я боялся больше всего. Обидно, что в конце поездки оказались такие города, как Одесса, Киев и Харьков. Лучше было бы с них начать, когда я еще был свежим по игре, богат по мечтаниям, надеждам. Во мне пропал артистический огонек на эстраде, который я даже сам иногда в себе замечал. Хочу найти причину. Может быть, Самарий Ильич⁴⁸ мне объяснит в Ленинграде. Скучаю по Лиле. И здесь конец. Ура!!! Все обстоит замечательно. У меня начинается головокружение

от... успехов⁴⁹. Хоть какое-нибудь головокружение!!! Я начал острить и шутить. Так всегда бывает, когда человеку уж слишком плохо. «Коли жид співа? — як голодний»⁵⁰ — старая поговорка... За всю дорогу у меня не было ни одного «знакомства» с женщиной. Я даже забываю о существовании такого рода людей, меня они совсем сейчас не интересуют. Я приехал «делать себе жизнь», а если она не «делается», тогда «знакомства» с женщинами мне не помогут и не украсят ее. В основе — я должен представлять собой сам что-нибудь, а потом уже думать об успехе у них (женщин). Бывали случаи, когда при малейшем моем желании я мог бы добиться многого, но... у меня не было этого желания. Одним словом — человек не от мира сего, а может быть, и наоборот? — не знаю. Спрошу у Самария Ильича. Я ему во всем верю. Хотел бы иметь хоть кусочек такой голы, как у него; кусочек умения понимать жизнь с ее многочисленными тонкостями и вариациями. Мне, видно, суждено об очень и очень многом спрашивать у других. Дегенерат!... Сейчас 7 часов 15 минут вечера. В 7 часов обещал зайти ко мне товарищ Крохмаль и повести меня в театр. Если он не зайдет, тогда придется весь вечер пробыть опять в одиночестве».

На этом Дневник обрывается и, видимо (поскольку в тетрадке осталось еще 6 пустых страниц), он уже в этой поездке не был продолжен. Дневник является превосходным психологическим портретом М. Я. — с его мнительностью, ранимостью, самоуважением и исключительной честностью по отношению и к себе, и к своей профессии. В дальнейшем все эти качества М. Я. сполна проявит в своей педагогике, и все его ученики в той или иной степени эти качества почувствуют.

Из записей Дневника ясно и то глубочайшее доверие, которое М. Я. испытывал к своему профессору С. И. Савшинскому, и которое распространялось не только на профессиональные вопросы, но и на человеческие проблемы.

Из записей в Дневнике нетрудно понять, что от вульгарно-социологической идеи «орабочивания» посещающей концерты публики, — а именно это насаждалось тогда коммунистическими чиновниками от культуры — М. Я., мягко говоря,

был не в восторге, и он хорошо понимал, что концерты инструментальной классической музыки могут быть понятны и предназначены только подготовленным слушателям.

Обращаясь к профессиональной стороне дела, из этих записей можно реконструировать почти всю программу, которую играл М. Я. в поездке. Это были рондо Л. Бетховена (неясно, какое), Соната Ф. Шопена b-moll (поскольку Соната h-moll вообще не была в репертуаре М. Я.), две сказки Н. К. Метнера, два этюда Ф. Листа («Мазепа» и «Охота»), Военный марш Ф. Шуберта–К. Таузига и «Петрушка» И. Ф. Стравинского.

По свидетельству В. В. Полякова, М. Я. впоследствии рассказывал ему об этих гастролях следующее: «После победы на конкурсе меня премировали концертной поездкой по Украине. Это была возможность получить какие-то деньги, а иногда и продукты. Концерты проходили в небольших рабочих городах типа Кременчуга или Макеевки. Публи-

ка была абсолютно неподготовленная. Увидев слово „концерт“, она думала, что будет представление с песнями, фокусами, акробатическим этюдом. И когда появлялся я, первую пьесу публика принимала хорошо. Но когда во второй и третий раз из-за кулис снова выходил я, в зале росло напряжение, слышался ропот, и было ощущение, что меня просто побьют. Что только я ни делал! Поменял репертуар, играл только короткие, виртуозные, популярные пьесы. Ничего не помогало. Перед каждым концертом я ставил чемоданчик с вещами за кулисами и после концерта, подхватывая его, убежал. Позже я понял, что людям на Украине в те голодные годы было просто не до серьезной музыки».

И действительно, по большому счету это было так. Глобальные процессы коллективизации проходили на Украине в условиях жесточайшего террора и репрессий — какие уж тут концерты!

⁴⁶ Буквально «я смеюсь с горем» (идиш). Этому соответствует русское выражение «смеяться сквозь слезы».

⁴⁷ Личность идентифицировать не удалось.

⁴⁸ С. И. Савшинский, учитель М. Я.

⁴⁹ В газете «Правда» № 60 от 2 марта 1930 г. была опубликована статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения» URL: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/12-2.php> (дата обращения: 08.04.2010), получившая в то время широчайшую известность. В статье шла речь о коллективизации сельского хозяйства и раскулачивании, которое трактовалось как «перегибы на местах» и объявлялось плодом самостоятельности излишне ретивых исполнителей. М. Я. иронически перефразирует в своем дневнике название этой статьи.

⁵⁰ «Если еврей поет — так голодный» (укр.).